https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

United States Holocaust Memorial Museum

Oral History Interview

Belarusian Witnesses Documentation Project

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

RG-50.674.0002.02.02

Мария-Юзефа Каравайская
15 августа 2011
Таре #11

– Давайте мы продолжим, еще есть несколько вопросов.
– Пожалуста.
– Этот расстрел, который наблюдали Ваши братья, в городе, Вы помните, какого числа?
– Двадцать шестого июля сорок первого года.
– Двадцать шестого июля, так, а вот другой случай, когда Вы говорите, что Ваши жены прятались в тринадцати деревьях, это когда?
– То, это когда началась война з немцами, вот они з города бяжали, тогда, когда бамбёжки начались. Там жа очень опасно было, и в основном как-то так, у нас такие микрорайоны еврейские были, то в основном там бросалися бомбы. Ну упала бомба на костел тот, там покалечыла. У нас рядом, ну, под одной крышей дом был, то тожа стропила сгорели, а около этого, который остался, бомба упала – трэснула сцяна, но ничего, там замазали, заделали.
– То есть это буквально в первый день?
– Это 22-го первая бомбежка была на военны городок, там немного бомбили, 24-ого несколько бомб упало на город, на площадь, 26-ого две или три бомбы только самолет прилетел кинул и пяляцел, а 28-ого июня массавая бамбежка была. Брат мой, он авиатор был, старший, он считал, что примерно где-то больше трехсот бомб кинули на город.
– И когда вошли немцы в город?
– Чецвёртого июля.
– И это произошло сразу после того как они вошли?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– 28-ого бамбёжка была, сильно очень, а тог да от 4-ого июля немцы вайшли у город.
– А что случилось с этими евреями, Вот (Эпштон???), что Вы говорили и эта другая семья ?
– Вот эты, которы один из братьев, адвокатом был. Ну по-видимому можа какой-то донос, можа што, адкуда мы можам знать? То его расстраляли. А Эпшты не, Эпшты жыу, прыхадзиу к нам потом. Помню, прышол, уже их помецили, уже этыми, желтыми кружками. Ён так, пинджак на руке, ну, прыходзиць, эта ж, фельдшэр, знаеце, они акуратна так адзевалися, усе, прыходзиць, эты пинджак падкладкай навярху, зашоу, и тада разварачвае пиджак: «Пани Довжинская, прошу побачыць!». Они по польску разговарвали. З нами по польску даже белорусы разговарвали!
– То-есть они в то время находились в Гетто?
– Нет, ешчо это не было Гетто, ешчо не было, ешчо по квартирам.
– То-есть они еще в это время жили в квартирах?
– Да, по квартирам.
– Но были обязаны…
– А Гетто в декабре сделали.
– Но их обязали носить эту метку?..
– Да-да-да, немцы распоз… Ну, Вы знаете, были ж и людзи, которые показывали, это ж было. Предательство было всегда и всюду.
– А откуда Вы знаете, что были такие люди, которые показывали?
– Ну потому што и нас коснулася.
– А, Вы имеете ввиду тот случай?
– Да, даже моих братьев, пять подписей, список этих лиц, 112 чалавек, и пять подписей было. Трох помню: Кот, от как же это, от сейчас, Романовича то хорошо помню, он жил там, где, в том доме, где

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

монашки у нас потом жили. У их, у сороковом году их расселили, выселили з манастыря, они по частных квартирах. А потым як прышли немцы, им дали квартиру от там дзе сейчас монастырь – это школа была когда-то до вайны, до вайны. После вайны пры Советах мы тожа там учылися. И это забрали у их усе, а их выселили.

– Когда Вы говорите, что это было пять подписей, Вы имеете ввиду, что кто-то…
– В сорок третьем году…
– Дал показания против Ваших братьев?
– Да, против моих братьев, против моих друзей, 112 чалавек арэставали, девушек, мальчиков, парней, старэйших.
– Откуда вот такая точность? Откуда Вам известно, что именно 112 человек арестовали?
– Ну так мне з архива немецкого список прислали.
– Кто прислал?
– Директор музея Адама Мицкевича (???), он работал еще в краяведческом, пани Тамара знае.
– То есть это после войны уже?
– Да, это уже далеко после войны! Он мне, он опубликовал в газете, в нашей раённой, па беларуску. Ну я прачытала, ён пишет, што можа хто каго помниць, можа знаець эты случай. Я ему пазванила, потом даже сама пошла туда к нему, и ён мне предложил, што мне з архива немецкого можна списки этыя дастаць.
– Ваших братьев тогда тоже арестовали?
– Да, всех трох забирали, адзин уцёк, а два, двох арештавали и вывезли. Но их не расстраляли! Их на расстрэл брали фактически, ровы пакопаны уже были, но их не…
– В сорок третьем?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– В сорок трэци 21-ого августа.
– А что за?...
– Июля.
– А что за показания были против них?
– Подпольна организация.
– Ага, брали как партизанов?
– Как падпольшчыков, да.
– И вот там в этих списках Вы увидели подписи этих 5 людей против Ваших братьев?
– Нет, я раньше, раньше рэбята разузнали.
– От кого разузнали?
– От немцев, немцы же разные были тоже.
– А каким образом удалось разузнать?
– Ну от, а каким образом узнали, что (Гэбиц???) комиссар прышол в тюрьму, саму ж элиту выбрали, саму которых работали па учрэждениях. Ён палецеу в Минск и у Кубэ выпрасиу этих людей себе как работников в Германию. Он барон быу, у яго 9 хозяйств, баронств этых было, и от он гарантию дал, што не один побега не совершит, и не совершили, он так сказал. И от мой брат расказвау, это ж на брату я верыла больш, як сабе. И он, кажа, прышол в тюрьму, а их две камеры, шнурки з бацинак павыцягали, рамни пазнимали, у кого лезвия ци перочынны ножык, ци што, усе это, кажа, у нас пазабирали, усе буквальна. И когда он прышоу у эту тюрму, кажа: «Панове, расходзьцеся па камерах, каб свабадней што б стала». Бо там и женщины и мужчыны были разам. И тогда говорыць так: «Я вас забираю в свои имения, в Германию, на работы», - по польску гаварыу, а потом по руску сказау: «З леску не з песку». Дау понять, штоб ни одного побега не совершили, потому што тада всех

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

расстрэляем. Ну и кажа - з леску не з песку. Ну и действительно, работали у лесу, а жывыя асталися. А если бы пясочак, то …

– А Вы говорили, что одного брата все-таки забрали в Германию? Или (???)
– Нет, двух забрали, аднаму я памагла бежать. Ён был в польской партизанке потом.
– Вы помогли ему бежать?
– Да.
– А как это было?
– А вот у нас двухэтажная кровать была, там навярху тожа спалося, ну, капой, покрывалом накрыта. А я вышла ночью – их не взяли, они в сарае спали – их не взяли, только старшего в городе забрали, старший в городе жил, женат, двое детей было, девочке 3 недели было, не, 6, спутала, бо 10 июня родилась… И они ночью окружили нам дом, и водили маму, знаете, и стреляли маму в результате. «Где сыновья?», - мама говорит: «Не знаю! Не прышли з горада, не прышли з работы.»
– Расстреляли Вашу маму?
– Стрэляли, не расстрэляли.
– Или просто стреляли в нее?
– Стрэляли. Там шкаф стоял в коридоре, мамин шкаф яшчэ, замуж як шла, мама са свечкай их вадила, электричества ж у нас не было, и керасиновую лампу не запалила, а свечку, з этай свечкай вадила их кругом. Они ходили, ходили и сюда, и туда ва усе двери. У бабушки, да, бабушка спарализована, под кравать глянули и в кровать глянули, чи там няма кого. А потом отец, молния, гроза страшная-страшная была, отец говорыць: «Кто-то у нас под окном?». Это, говораць, нашыя, нашыя. Пять человек вошло в дом. И потом яшчэ мама стоиць са свечкай той, они: «Где сыновья?!». Мама говорыць: «Не знаю!».

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

Они прыложили так пистолеты з двох сторон, а я анемела. И не дай Бог я крыкнула бы, они затрэлили бы маму. Они пять выстрелау дали мимо, так о, даже волосы маме апалили, но мама асталася в живых. Но, а утром там уже падруга прыбежала, сказала, што того брата арэставали, она прышла з битоном по молоко вроде бы. Того арестaвали, того, и того, и того пересчитала, там много молодых было людей па той улицы, дзе они жыли. И брат хацеу исци от эты. Адзин астауся у сараи спаць яшчэ, а эты старшы прышоу. Я слышу, эта девушка пашла уже, я за ней вышла, я кажу: «А што, а?..». Ну, кажа, забрали, усё. Кажа, падышоу да дзицяци, пацалавау калыску эту и пашоу. Да уже жена яго, братава расказвала. А тада я слышу, сабаки адазвалися. У нас два – адзин против дома был, а други около сарая. Я да дверей – брат хоцел – я его дернула назад! И, а там у нас погребок, я его пихнула туда, а сама в таком огромном халате, я цокнулася и между шкафом и этой кроватью и устала, руки падняла так, абаперлася. На мне ж видно было, я стрыжана была, з голой галавой, што бальная. Эти немцы так прашли. Адзин сматру гэты, которы ночью был, падхадил ка мне, думали што я тоже парень, они хотели и меня сначала, потом мама кажа – она больная. Они отступилися ад меня. И они прошли, он потом подошел, я стала плакать, стаю так и плачу, он: «Них, паненка, не плача, братья (вруцца???) все». А уже младшага (паршутист???) пашол в сарай. В сарай и лесница прыставлена, он палез па этай леснице, а брат спал. Он яго за варатник – злазь - и павяли. А гэтого я не допусцила, он тут в кладовку гэту, пагрэбок, спрыгнуу. То яны хадзили на чэрдак, но не замецили, пагрэбок такой, ну, кляп таки у палу, не замецили это. Ну и он остауся. А потом когда уже все зацихло, он тогда вышел, пошел в поля.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Можно еще, я хочу спросить, вот Вы знали, что в 45-ом была эксгумация каких-то польских священников???
– Да.
– Вот скажите…
– Их в 42-ом расстрэляли, это наш декан был, это настоятель наверно чи як по руску называется, ну старшы свяшчэнник. И викарий поехал в Калдычеве расстрэляли яго, он поехал там в какой-то меснасць около Калдычева недалеко. И от оттуда арэставали, там расстрэляли, но это, это нас уже не касалось, это уже попозже было, эксгумация там. А этих арэставали, ксенза с Вселюба, так, настоятеля Вселюбского, и яшчэ аднаго з Бярозовки, но того з Бярозовки, их продержали месяц времени. З 28-ого на 29-ого июня их арэстовывали, а расстрэляли…
– Это какого года?
– 42-ого. А 31-ого июля расстрэляли за городом, там дзе военны гарадок. И вот в 45-ом году 15-ого марта была эксгумация. Ну апазнали… То гэто Вселюбского Парафья забрала к себе, там похоронены около костела, а наш здесь. Ну было двох свяшчэнников, были врачи, несколько врачей было, прысутствовало, и было, и было, была конечно милиция, много было милиции.
– На опознании. Но Вас там не было?
– Я, в могиле той не было!
– Нет, (???).
– А наружу, наружу как это меня не было!
– Вы видели, как это все…
– Я даже помогала, помогала трупы вынимать.
– То есть, Вы присутствовали при эксгумации?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Да, мы з мамай были. Вынимали, выняли аднаго, но я, мы стаяли так о, выняли, патаму што ад нашых известий не было доугае врэмя, а разныя были случаи, што где-то арэставали, а где-то расстрэляли у другом месце такого. И вынесли аднаго, женщина падашла, подняла борт – Роберт, сын ее, з Дашкевич! Вынесли другога, радам палажыли – второй сын, вынесли трэцьего – трэци сын… Эта женщина упала, ана з дочкай была… Но дочка канешна в крык, тут скорая падашла, адна машина там…
– Как женщину звали?
– Войницка фамилия.
– Войницкая.
– А как зваць, я не знаю.
– А сыновья у нее, кто они были?
– Я их не знала раньше, и теперь не знаю, чы были ани падпольнай этай арганизации польскай чы яны вабще никем не были, потому шо иногда поголовно арестовывали.
– Вот в этой яме 63 человека?
– Да. И от там еврей один был. Был татарин, Шыгидэвич, его апазнали. Хацели сначала татары забраць на сваи кладбишча, а потом когда посмотрели, што с такой парады пахароны – 26 грабов прывезено было. И вот когда вот этих трох братьев вынесли, а швагер, моей двоюродной сестры муж, стаиць нема с ким. Я кажу: «Сташык, што ты стаиш?». Я прыг туда, в яму и он прыг туда в яму. И мы уже стали паднимаць этых…
– А Вы лично кого-нибудь опознали там? Вы смогли кого-нибудь опознать?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Нет. Я и не старалася апазнаваць. Была там падруга у мяне, пастарше меня, она быстро опознавала. Там были з пад Наваельницы, с какого-то Минзы, Гужа, з деревень.
– С разных деревень?
– Да. Тут з Баек апазнали, двох забрали атсюда.
– Как я понимаю, были люди совсем разные и разных профессий?
– Разные. Белорусы были, возможно и русские были, от и татары были, и вот один еврей эты. Еврей то одного только познали.
– А священники тоже вот там были?
– У гэтай яме.
– В этой яме, да?
– Да.
– И как, одежда еще сохранилась, или уже нельзя было понять, что они (???)
– Ну, можно было многа што опознать. Я ж кажу, она подняла борт и па штведке пиджака опознала сразу. Помню у клетачку цей такую мелкую, я близко стояла, так вот я видела. Потом второго и трэтьего и ужо тагда яна…
– А где эта яма была?
– В (Скдлево???), это там цераз застроено все, там нет никакого знаку.
– Какая улица это сейчас?
– Мицкевича.
– Мицкевича.
– Да. И это на Новоельню дорога.
– То есть это в Брестской области?
– Я не ошибаюся, пани, там, Татьяна?
– Не, не.
– Правильно?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Ад дароги ну там у леску это было захараненне.
– Я хотела еще спросить, про погром этот, про который рассказывали, в августе 42-ого, когда Вы видели машины, что увозили людей.
– Да.
– Я хочу спросить, эта дорога как далеко была от Вашего дома?
– Наверно с полкилометра здесь. Вы по этой дороге ехали до меня! Не иначе. И потом острый поворот сюда, уже, от по этой шосейная дорога на Селип.
– И вот Вы могли видеть, когда машины проезжали (???) там были видны вот люди, Вы могли хорошо видеть?
– Которые открытые были машины, это в основном были такие полуторки, а которые крытые – о то ясно было, потому што машина за машиной шли. А брат мой, я ж говору, в (???) быу, там где их расстрэльвали. Он видел, как их выталкивали из машин, з гэтых душегубок.
– В этих машинах Вы могли видеть с такого расстояния, есть там немцы, или?..
– Не, не, это различыць трудно было. Только видно што полно, полно людзей на машине. А хто там стоял… Только обязательно охрана была.
– Вы говорили что эти открытые машины, закрытые, они были душегубками?
– Душегубки, так говорили. И от брат говорил, что оттуда выкидали людзей.
– А вот такую машину Вы видели на близком расстоянии?
– Можа и видела, думаеце, откуда я знала, што это душегубка.
– А так ничего особенного, так ничего не помните, как она выглядела, что может запомнилось Вам?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Она как грузовая машина, как полуторка, только з будой, закрыта. А што там в ней – не знаю, никогда близко не видела, не знаю. Можа когда и проходила когда мимо меня. Вы знаеце, не на все ж смотрелось.
– И пешком никого не было, только на машинах?
– Не-не, только машинами, только машинами.
– Вы прошлый раз нашим коллегам упоминали о том, что удалось спасти, жители спасали детей еврейских (???)
– Спасали, да.
– Вы помните какие-то конкретные случаи?
– Знаю, один точно знаю. Знаю, были такие Лившицы (Липшицы), то у кого ребенок сохранялся. Это были з Польшчы врачи прыехали. Они, у их да, уцякали из Польшчы, когда немцы стали командоваць. То знаю, што у их мальчык быу у нашых людей. Поляки в основном брали.
– То есть это семья врачей, они спрятали ребенка?
– Нет, они отдали своего ребенка.
– А, эти врачи-евреи, они???
– Лившицы (Липшицы), они работали в больницы. Там же где-то тоже было, их в подвал там загнали. Но их, они бежали, эти, з этого Гета, евреи. Они где-то в январе, потому что мне в январе вторую операцию делали, то врач эты уже, главврач, говорыу, што нет ниодного врача. Все евреи у нас бежали. И одного я знаю што во Вселюбе расстрэляли. Он у женскай адёже быу, он очень красивы быу, такое женскае лицо красивае, яго расстрэляли. Кто-то опознал и кто-то подсказал. Были разные люди.
– Как Вы узнали вот про этот случай?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Не все любят у нас этот прыход мамин, знакомыя были, ад евреев узнала.
– Они потом рассказали маме?
– Расказвали. Они расказвали, жыцели местные расказвали. Только они не знали, хто гэта, а потым мне главврач сказал, што, это, говорыць, што (Зыскин???) гэты асистентам быу, што мне первую операцию делали. Он говорыць, майго, эта, товарышча, уложили во Вселюбе.
– Мальчик тех врачей, он выжил?
– Выжил. Яго акрэсцили. Ён говорыу: «Мама и папа, вас нада перахрэсциць, потому што от меня спасли, и я малиуся за вас, и вы выжыли».
– Откуда Вам известно про этот разговор?
– Они расказвали, мать, отец.
– Кто прятал мальчика?
– Не знаю фамилии. Знаю здесь есть на замке, то Кастэчко фамилия. Они девочку, когда гнали евреев туда уже, может туды на (Замковую???) на эту, где суд быу, можа хто Гето гнали, я, в каком моменте это получылось, я не знаю, только там под горку эта женщина брала воду. Эти евреи подвели девочку – яна забрала ее, завела домой. И хадила, у яе мальчык небольшой был, и яна з этой девочкой младшей, младшей и мальчык гэты и эта девочка. Она их в костел прыводила.
– То есть Вы видели эту женщину с девочкой?
– Да я знаю яе дочка мая падруга! И сейчас эта подруга живет.
– А как звали женщину?
– Костэчко фамилия.
– А как звали?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– А имя я не помню, это знаете у нас, пани Костэчко, а имя мяне не касалося. А дочка, которая учылася со мной, Ганна, она жывет в Польшчэ, в Варшаве. Фамилия…
– Девочка эта тоже выжила?
– Та девочка и выжила! Потом ее евреи забрали. Но какие судьбы ее дальше, я точно не знаю.
– А вот этот мальчик, который из Лившицы, родители его выжили?
– Выжыли, абое, и уехали они. Уже Совецкая власть стала, там же в Польшчэ тоже ж уже можно было. Они вернулися на родину.
– Пожалуй, мы остановимся здесь, спасибо Вам огромное.
– Пожалуста.